

Крутов Василий Григорьевич, бедный деревенский, задлый охотник и, как всякий охотник, мечтатель, решил сделать из своего сына ученого человека. И тем самым, как он выразился, выйти в люди и свет посмотреть. Отправил он и дальнего родственника в Колычугино Сергея. Жутковато и радостно было собираться в дальнюю дорогу. В

Петр Шмаков

СУРОВЫЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

неизвестный город. Уехал из родной деревни с почтарем на паре заплаженных лошадей.

В доме рабочего путейца Сальникова все было по-июньскому. На стенах не висели прочные, не торжественные на кухне грозоздокая русская печь, а за окном не водили плотного хороста леновые осыны и кедраги. Вместо тапки Сергей видел маленький вокзал, против которого то и дело останавливались для отдыха воезды. Попробовал с ним Сергей с удивлением и страхом смотрел на паровозы. Особенно было страшно, когда те выпускали стремительный пар, и воздух реял от жарлого гудка. Возникло желание заткнуть уши и спрятаться в темно-претемный чулан. Хотелось уехать к себе в Александрово, где тихо и спокойно, где только глухо и надсадно шумит тайга. Подойдя, черновыи хозяйн дома, прихода с работы с маленьким квадратным ящиком, подавал Сергею руку, дружески спрашивая:

— Как тут у меня крестьянство? В порядке? А в школе каково? Хорошо? Вот и замечательно, милый. Ученики — свет, брат, а не ученье — тьма. Помня эту истину. А теперь — за ужин. Да расквашивай, чему тебя в школе учат.

Сергей, заклобымаясь от радости, что для Тьмы так к нему внимателен, рассказывал об учителях, о заданиях, об играх на переменах. Еще любил Сергей носить по команде маленький ядичек, падающий копыто и мазутом. От дичка целю дальними дорогами, новыми незнакомыми городами, неустойно зовущими к себе Сергея.

Однажды Сергей проснулся от внятного глухого говора. Он доносился из соседней комнаты. В притворящую дверь сочился слабый свет, пропитанный дымом. Напрягая слух, Сергей впервые тогда услышал неизвестное звучное слово: «Ленин». Потом он поговорку проирадывался в дальний угол и подолгу слушал, что читали взрослые, узнавая новости в дедо, на стариках.

Тяжелее большая нога, садит колено, кружится голова.

Крутов достает из кармана сухарь. Втягивает носом теплый домашний запах, сразу попенело родной деревней, русской уютной печью, в которой мать пекла круглые хлеба и томилла попаршенные свежело густые борщи. Помнится, как стыл в деревянной миске борщ и поверху желтели кружочки жира.

Сергей слюнула слюну, поборол племячьность в голове и закустел сухарем. Скоро мабкала темнота. Тайга оцетн-

нилась, осмелела. Мир стал узким и глухим. Зачудилоо, будто десятки глаз следят изза столов за каждым шагом человека и ждут удобного случая, чтобы взять у него жизнь. Крутов старается меньше упираться на правую ногу, чтобы не вызывать боль. Но она не утихает. Крутов хотл и бывалый таежник, но ночью в тайге жутковато. В ту ночь тоже они с Филиппом Кошпным болели, когда решили увести лошадей у богача и уйти в партизаны.

Крадуясь добирались к дому Прохорова, кинули собаке костей и хлеба и пробрались в ограду. Огромный полководца с тяжелой цепью подошел к парням и тихо заснул. Нестолько вечером Сергей и Филипп подкармливали собаку. Благо хозяин мало кормил ее. Обливаемой водой деревенский, здоровенный завор, чтобы не скривел, отыскал ворота, вывели двух халых жеребчиков, провели припком, через малинник и только там облетченко вздохнули. Филипп, дрожащий асем телом и не попадавший зубом на зуб, с трудом снал с ветвей мешки с продуктами, с трудом забрался на спину лошади и сказал Сергею:

— Ну, дай бог нам уйти. Божья мать сохранит нас.

Сергей и Филипп рывью тропили лошадей в сторону Крапивица, где неподалеку стоял отряд Шевелева-Лубкова. Полднее их отпаривали в салатовую тайгу, на поиски отряда Соловьева Там и остались. Начались огненные дни...

Крутов решил передохнуть и обогреться. Наломал веток, поджег их и протанул к беглому огню озарили ноги в руны. Колени во-преняему лонило, словно в него вбили добрую сотню гвоздей и теперь все разом вытаскивали.

Отвн вспыхивал, порой притухал, и темнота, как ливвал, припадала и снегу, потом вскипнула и неслась прочь. Догорели последние последние лапы, осталось на снегу черное пятно. Крутов, чтобы не растерять короткое тепло, поднялся и зашгал дальше.

«На подходе к Гурьевску есть кардон, — размышлял

Сергей. — Его надо обойти. Старик там зажточный и как бы не продал. С ним станется. Этим богатым человеком в расход пустить, что на палец плюнуть. За слюну да за травку какую душу человеческую загубит, а потом перед иковой свечку грошевую поставят — и грех с души снимут. Пробе бы люди как люди, а вот нестойкость в них лютая. Неужто вот я бы стал богачем и тоже лютował бы? Не должно быть. Может оно

оттого я и не богат, что не смог быть таким? Дойду до города, к ребитам пристану и пойдем гулять, колчаковцев с земли сибирской изгонят. Где-то отряд Шевелева-Лубкова... Шувалова... Э, сколько народу поднялось! Меужто кто с ним управится? Нет, теперь нас на колени не поставишь.

Чертова нога. Сильнее и сильнее коет. Онолевают пальцы и датки. Половину пути одолел. Повитню, одолел. Воздух сожлеа что-то. Вудто бы и метели. Закуртит — пропаду.

Вот в такую же ночь отец впервые вывл меня на медведя. Рогатиной отец заролов их брал. А на этот раз шланг попался. Пожил отца. После и ходить в тайгу перестал. Не видеть ему счастливой жизни. А мечтал он о ней постольно. Медведя в тот раз достали до дому, ути и метель разыгралась... Повитню, ночь такая же была...

До города надо дойти. Не ожидал и от Филиппа, что тайгой малодушной сосиской окажется. Инверняка, его дичий комментий боял. Недаром его везд на богатейших. Снабжается принадлежностью...

Сверху неожиданно упал ветер, обронил комья снега, убрел вперед, на разведку. И потнулась косматой шаурой полемка, задымилась белым дымом деревн. Даже в темноте видно было, как снег поволо из-под ног.

Жаль вот Соловьева. Отличней командир был, да не в меру горяч. Настоящий боевик. До корней волос в народ верил. Тиним мы поставим памятник после победы. С метелью шутки плохи. Деревья тревожно гудели будто оттого, что с них соснимали теплые шубы.

Крутов выломал палку, приспособил ее под костыль и продолжал путь. Заметилло в полную силу. Колочая россыпь ударила и лицо. Иди стало тяжело и грузно. И нога займала еще сильнее. Слыди уже все ступни. Валетки старые, выношенные, и тепло удерживали плохо. Снеговая ночь скрутила льново-серой тенью тайгу. Сучья болало хлестали по лицу. Не поймешь сразу, от снега полаялца щека или кровь проступила от удара ветки.

Все больше и больше припадает Крутов на большую ногу. Надо меньше думать о боли и тогда станет легче. Все мысли направить на одно: он должен быть в городе. В

любом состоянии. Он должен выполнить задание. Он человек, а человек сильнее всякой там стихии. Человек? По-литно, человек. Потому и добраться должен до города.

А как живет Нинка? Смешливая и колючая дедка. Нос у нее коротелький, будто приохивается к воздуху. Хороши у Нинки глаза. Ох, как хороши. Черные, с длинными ресницами, глубокие-глубокие, как омуты у Прохоровской мельницы... С Нишкой Сергей любил ходить летними вечерами, слушать, как поют накин. В двух километрах, в тасиних распадах стоят две высокие скалы. Даже в тихий ветер они поют. В их песне слышится грустинка, поэзия чего-то родного и недосягнутого. Дедина рассказывает: в незапамятные времена девочна из богатой семьи полюбила бедина пастуха. Любовь у них расцветала с каждым днем на зависть богатым и на радость бедным. Отец запретил дочери встречаться с пастухом. Но это не помогло. Тогда он прокил дочь. Прератилась она в скалу. Парень разделил с любимой проклятие и окаменел рядом с ней. С тех пор молодые поверют друг другу свои заветные мысли, говорят о вечной любви. Нинка частенько плакала, слушая дедку каменной.

Сергею Крутову послышалась знакомая мелодия в вое разыграншейся выюги. Он оторвался от воспоминаний и понял, что дело его худо. Иди становилось невозможно. От боли, от ветра, от голой усталости, от холода. И снег зарывался? Можно замерзнуть. К утру мороз утронится. Но без отдыха не обойтись. Хоть малю-малышка прикурнуть... Можно отыскать выкорчеванное дерево. Весной от талых вод земля делается рыхлой, а ветер заветрит когда крутой, и сосна или пихта со шрежетом и стоном валится. Любил в своей тайге Сергей часами протастать перед вывороченными корнями и в их слезливых отыскивать сказочные картины. Вот, кстати, такое убежище. Крутов протиснулся под тугие слезливые эмелеродных корней, разгребил снег и сразу ни овладели покой и тишина. Но спать нельзя. Через каждые полчаса следует вылазить из укрытия и греться. Поддерживать можно. Это вернет немного сил.

Сергей достал из кармана сухарь. Вот ведь какое дело. Крохотный сухарик, а настроение поднимает. И совсем не таким уж критически рисует его положение.

Но сон пришел неожиданно. Навалился тяжелой глыбой, и не было сил с ним бороться человеку, не спавшему уже двое суток.

(Окончание следует).